

УДК: 811.161.1'37:821.161.1-1:177.61
DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-826-837

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФИЛОСОФСКОЙ КАТЕГОРИИ «ЛЮБОВЬ» В РАМКАХ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОГО КОНТИНУУМА В ПОЭТИЧЕСКОМ И ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ А.К. ТОЛСТОГО*

Е.А. Бурдина

Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского
241022 г. Брянск, ул. Профсоюзов, д. 9

Статья посвящена изучению понятия «Любовь» с точки зрения лексико-семантического аспекта на материале поэтических произведений и писем А.К. Толстого. Автор рассматривает лексемы, входящие в лексико-семантические поля «Любовь», «Время», «Пространство», выявляя смысловые сдвиги в их семантической структуре, происходящие под влиянием контекстного окружения. Лексико-семантическое выражение «хронотопа любви» в анализируемых текстах писем актуализирует локально-темпоральную сему в структуре лексем, не связанных с семантикой пространства и времени, что приводит к смысловому многообразию эпистолярия А.К. Толстого. Репрезентация философской категории «Любовь» в письмах поэта рассматривается в сопоставлении с лексико-семантическим выражением этого понятия в поэзии, для чего используется словарная статья «Любовь» поэтического словаря А.К. Толстого, находящегося в настоящее время в разработке. Сопоставительный анализ позволяет определить связь основных философских констант «время», «пространство», «движение» с понятиями «любовь» и «Бог», которые являются семантической основой текстов писем и поэтических произведений А.К. Толстого. Подобное исследование помогает определить круг основных лексических репрезентантов «хронотопа любви» в рассматриваемом фрагменте творчества писателя, что детализирует языковую картину мира автора и раскрывает мировосприятие элитарной языковой личности.

Ключевые слова: любовь, время, пространство, эпистолярный жанр, поэзия, А.К. Толстой, пространственно-временной континуум, контекст, лексика, семантика, словарь

ВВЕДЕНИЕ

Граф Алексей Константинович Толстой, его личность и творчество всегда были предметом обсуждения как современников писателя, так и более поздних поколений литературоведов. Двойственность его мировоззренческих позиций: вера в демократический расцвет Новгородской Руси, отождествляющийся с западным рыцарством, и ненависть к монгольскому периоду и эпохе Ивана Грозного; особое самоопределение по отношению к западничеству и славянофильству («двух станом не боец»), эстетика «искусства для искусства» при поэтическом реализме и активной социальной позиции значительно осложняли анализ его жизни и творчества.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ и Правительством Брянской области научного проекта № 17-14-32001а(р).

В любом случае критики сходятся во мнении, что А.К. Толстой внес значительный вклад в русскую литературу, показав себя талантливым лириком, сатириком, прозаиком и драматургом. Стоит, однако, отметить, что творчество А.К. Толстого исследовалось в большей степени с литературоведческих, а не лингвистических позиций, его же эпистолярное наследие вовсе не подвергалось лексико-семантическому анализу. Этим в первую очередь обусловлена актуальность и новизна нашего исследования.

В жизни креативной личности любовь способна выступить первоисточником творчества, и жизнь А.К. Толстого не является исключением: любовь для него символизировала идеал, к которому стремился писатель, наряду с верой и чувством изящного [Бельский 1912: 289]. Творчество А.К. Толстого раскрывает все грани этого чувства: от влечения до основы мироздания, любовь актуализируется как истинный, божественный путь в жизни, следование которому сопряжено с большими трудностями [Дмитриева 2006: 88].

Особый интерес для исследования в этом плане представляет лексико-семантическая репрезентация понятия «Любовь» в речи элитарной языковой личности, каковой является Алексей Константинович Толстой. Личностные качества адресанта и восприятие мира в базовых пространственно-временных понятиях находят наиболее яркую реализацию в личной переписке, что побудило нас выбрать в качестве объекта работы тексты писем А.К. Толстого, а предмета — лексико-семантическую репрезентацию в них лексем, формирующих лексико-семантическое поле «Любовь» в рамках авторского пространственно-временного континуума (хронотопа).

ПОНЯТИЕ «ЛЮБОВЬ» В СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Как известно, любовь является одним из фрагментов, составляющих концептуальную картину мира носителя любого языка, в мировосприятии которого это чувство нередко связано с представлениями о пространстве и в особенности времени (вспомним известную притчу «Любовь и время»). Действительно, в обыденном сознании физическое пространство служит испытанием для настоящей любви, а метафизическое пространство (душевное пространство, интрапространство) — вместительным для нее. Время же позволяет осознать важность любви, ее место в жизни человека, оценить силу чувства.

Понятие «Любовь» обладает разными коннотациями. Так, по данным «Русского ассоциативного словаря» Ю.Н. Караулова [Русский ассоциативный словарь, www], на слово-стимул «Любовь» в сознании носителей русского языка в первую очередь возникают ассоциаты, связанные с прецедентными текстами: *с первого взгляда* (ассоциативная норма), *до гроба, зла, и голуби, Яровая*. Затем следуют реакции, выражающие парадигматические (гиперо-гипонимические — *чувство*; антонимические — *ненависть*) и синтагматические отношения (*безответная, платоническая, светлая* и т.д.). Имеют место единичные когнитивные реакции, связанные с философским восприятием различных сторон этого чувства: *друга, к жизни, к людям, много зверей*, а также реакция на его табуирование —

это неприлично. Отметим, что в числе периферийных ассоциатов нам встретились темпоральные (*вечная, вечность, жизнь*) и локальные лексемы (*душа*). Как видим, ассоциативное лексикографическое описание этого понятия касается многих его сторон «Любовь», однако преобладающим является, по всей видимости, аспект, связанный со взаимоотношениями людей.

Многими исследователями отмечается, что философская категория «Любовь», безусловно, тесно связана с иными фрагментами картины мира: «Семья», «Родство», «Дружба», «Ненависть», «Жалость», «Жертвенность», «Страсть» и т.п. [Салимова 2014: 173—175; Балашова 2006; Гибадуллина 2012; Севрюгина 2003]. Полагаем, в этот ряд можно включить понятия «Время» и «Пространство».

С.Г. Воркачѳ, совершивший попытку создать «семантическую модель любви», опираясь на этические, психологические и лексикографические источники, определил следующие черты этого понятия: спонтанность, зависимость от природных и возрастных факторов, эмотивность, антиномичность, центральное место ценности объекта в системе личностных приоритетов, осознание уникальности объекта, его желанность субъектом и ответственность за его благополучие. Любовь, кроме того, может составлять смысл существования и моральный закон [Воркачѳ 2003: 189—208]. Иначе говоря, это преходящее, конечное чувство, формирующее внутренний мир индивида, что наделяет лексико-семантическую репрезентацию понятия «Любовь» не только локально-темпоральными, но и кинетическими свойствами.

СЕМАНТИКА ЛЮБВИ, ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА В ПИСЬМАХ И ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ А.К. ТОЛСТОГО

Практически вся любовная лирика А.К. Толстого посвящена его спутнице жизни, С.А. Миллер-Толстой, и имплицитно в себе «милосердную силу *аганэ*, где страсть присутствует в преображенном виде» [Дмитриева 2006: 89]. Действительно, лексема «любовь» в поэтических текстах А.К. Толстого находит проявление прежде всего в своем основном значении «глубокое эмоциональное влечение, сильное чувство к человеку противоположного пола»:

- (1) *Сама того не зная, Ты любишь в нем лишь первую любовь* [Толстой 1969 т. 1: 167];
- (2) *То на любовь мою в ответ Ты опустила вежды* [Толстой 1969 т. 1: 196];
- (3) *И, к ней [Ярославне] обращаясь, Гаральд говорит, С любовью в сияющем взоре...* [Толстой 1969 т. 1: 259].

Темпоральный компонент потенциальной семантики, обусловленной контекстом (1), как видим, связан с транспективной времени: чувство появилось в прошлом и длится до настоящего момента. Контексты (2) и (3) касаются локального компонента: это отражение любви субъектом в ее векторной направленности в метафизическом пространстве, о чем говорит употребление лексемы *в ответ* (2), или же сема «вместилище любви» в семной структуре лексемы *взор*, которая содержит метонимические связи с лексемой *душа* в традиционном употреблении в художественной литературе «вместилище чувств».

Можно утверждать, что сохранившиеся письма поэта к С.А. Миллер-Толстой также содержат в большей степени любовь-жалость, мотивированную ретроспек-

тивным субъективным временем, а именно воспоминаниями о прошлом Софьи Андреевны. О хромотопической основе любви говорит лексический комплекс эпистолярных текстов.

Бедное дитя, с тех пор, как ты брошена в жизнь, ты знала только бури и грозы. Даже и в самые лучшие минуты <...> тебя волновали какая-нибудь неотвязная забота... Когда я об этом думаю, мне видится домик, полускрытый деревьями, видится деревня... <...> Этот домик, эта благодатная и спокойная жизнь, все это — в нас самих. ...И даже среди мирской суеты мы можем быть одни и быть счастливыми [Толстой 1964 т. 4: 56].

Как видим, само понятие любви не находит в приведенном тексте лексической репрезентации, однако оно выражено в нем имплицитно посредством употребления эмотивных лексем-эпитетов *бедное*, *благодатная*, *спокойная*, *счастливыми*, характеризующих взаимное чувство. Контекст содержит темпоральную лексему *минуты*, относящуюся к центру лексико-семантического поля «Время», и лексему *жизнь*, которая имеет временную сему в третьем значении («время (целиком или частично) от рождения до смерти живого человека; век» [Словарь... 1955 т. 4: 69]). Однако, полагаем, справедливо будет утверждать, что последняя лексема посредством контекстного окружения приобретает потенциальную локальную сему, что показывает употребление ее словоформы с пространственным предлогом «в» и глагольной формы «брошена» (*брошена в жизнь*). Локальная сторона в хромотопе приведенного контекста репрезентируется лексемами *домик* (обратим внимание на суффикс субъективной оценки *-ик-*, сужающий пространство, делающий его более интимным), *деревня*, имплицитными физическое пространство и являющимися архетипами укрытия, убежища, и местоимением *мы*, приобретающим сему общего внутреннего мира, метафизического пространства в противоположность контекстному антониму *мирская суета*, заключающему в себе чуждое, порой враждебное влюбленным пространство.

В письме, написанном Софье Андреевне из Дрездена, находим:

Вот я здесь опять, и мне тяжело на сердце, когда вижу опять эти улицы, эту гостиницу и эту комнату без тебя. Я только что приехал в 3 1/4 ч. утра, и не могу лечь, не сказав тебе то, что говорю тебе уже 20 лет, — что я не могу жить без тебя, что ты мое единственное сокровище на земле, и я плачу над этим письмом, как плакал 20 лет тому назад. Кровь застывает в сердце при одной мысли, что я могу тебя потерять... Думая о тебе, я в твоём образе не вижу ни одной тени, ни одной, все — лишь свет и счастье... [Толстой 1964: 346]

Приведенный контекст содержит значительное количество локальных лексем, образующих градиацию сужающегося пространства: *здесь* (т.е. город, место в целом), *улицы*, *гостиница*, *комната*. Пространство словно концентрируется в одной точке, которая оказывается пустотой, обусловленной отсутствием любимого человека: *без тебя*. Это пространство, проявляющееся в эмоциональном и духовном аспектах. Локальной потенциальной семой наделяется и лексема *образ*, чему способствует употребление предлога «в».

Примечательно, что метафора *тень* дает характеристику, направленную как бы «внутри» субъекта, а лексемы *свет* и *счастье* репрезентируют качества, имеющие противоположную векторную направленность: образ будто излучает их, питая любовь автора. В рамках анализируемого текста чувство снова не находит прямого эксплицитного лексического выражения, однако контекстное окружение *единственное, сокровище, (не могу) жить*, безусловно, указывает на него. Интересно употребление трансформированной идиомы *кровь стынет в сердце* с заменой компонента (ср. *кровь стынет в жилах* — «кто-либо испытывает чувство сильного страха, ужаса и т.п.» [Фёдоров 2008 www]).

В семантической структуре лексемы *сердце*, которая традиционно, наряду с квазисинонимом *душа*, как мы уже упоминали, использовалась в поэтической, высокой речи в метонимическом значении «вместилище чувств», в результате такой замены наблюдается аппликация потенциальной локальной и эмотивной сем. Не случайно в пределах сравнительно небольшого контекста автор употребляет еще один трансформированный фразеологизм, передающий чувства, с этим же компонентом: *тяжело на сердце* (ср. с тяжелым сердцем — «в мрачном, подавленном состоянии; с чувством тревоги» [Фёдоров 2008 www]). Темпоральные лексемы, представляющие собою количественно-именные сочетания (*3 1/4 ч. утра, 20 лет*), усиливают экспрессию текста, характеризуя длительность, непрерывность и глубину любви автора. Анализируемый контекст, кроме того, эксплицирует постоянство чувства посредством лексем *опять, уже, тому назад*.

Еще одно письмо из Дрездена:

...Мне очень грустно и очень скучно, и глуп я был, что думал, что будет здесь приятно. Если б у меня был Бог знает какой успех литературный, если б мне где-нибудь на площади поставили статую, все это не стоило бы четверти часа — быть с тобой... <...> И тяжело слушать музыку без тебя; я будто через нее сближаюсь с тобой! [Любовные письма... 2010 www]

Минорная тональность эмотивных лексем *грустно, скучно, тяжело* передает одну из сторон сильного чувства, которое испытывает автор; локатив *здесь*, репрезентирующий физическое пространство, сочетается с воображаемым условным пространством, выраженным лексемами *где-нибудь* и *площадь*. Примечательно, что придаточное условия, обозначающее литературную славу и признание, уравнивается Толстым по семантической ценности с временным количественно-именным сочетанием *четверть часа* — малым отрезком времени, проведенным с любимой женщиной, но более важным в духовной жизни писателя.

Особой семантикой наделяется в приведенном контекстном окружении лексема *музыка*. Толстой, по его же словам, будучи необыкновенно восприимчивым ко всем видам искусства, особое место уделял музыке: не случайно его стихи не раз были положены в основу выдающихся музыкальных произведений. Здесь лексема *музыка* в соседстве с лексемой *сближаюсь* приобретает потенциальную сему «духовная близость», что позволяет отнести ее к периферии лексико-семантического поля «Пространство», а также рассмотреть в составе периферии лексико-семантического поля «Движение».

В другом письме интерес представляет использование локально-темпоральной лексики на фоне имплицитного выражения чувства любви:

...Я все думаю и гущу о Смалькове... (Толстой жил у Софьи Андреевны в Смалькове во второй половине ноября и в декабре 1854 г. — Прим ред. собрания сочинений А.К. Толстого.) Мне кажется, это — кульминационный пункт моей жизни... Я не заметил ни зимы, ни дурной погоды. Мне казалось, что была весна, я вывез из Смалькова впечатление зелени и счастья [Толстой 1964: 73].

Топоним *Смальково* (Смольково) является здесь репрезентантом хронотопа, поскольку содержит в себе как локальную сему, обозначающую определенное место, так и темпоральную, выражающую субъективное время — прошлое в жизни автора, воспоминание о времени, проведенном с любимой женщиной. Лексема *весна*, вступающая в окказиональные антонимические отношения с лексемой *зима*, в подобном контекстном окружении актуализирует оттенок значения «пора любви» [Словарь... 1951 т. 3: 117], это любовь-воспоминание, связанная не со страстными переживаниями сиюминутных событий [Дмитриева 2006: 90], но умственное созерцание былого. Словосочетание *кульминационный подъем* метафорически переосмысливается как «подъем душевных сил» (автор затем открыто употребляет лексему *счастье*), обусловленный любовью, и позволяет говорить о вертикально направленном метафизическом пространстве, близости к Богу.

Подобный вектор в метафизическом пространстве (словосочетание высокого стиля *судилище господне*) мы также можем видеть в тексте письма, которое включает в себя не столько размышление о любви, сколько ее безоговорочное, фатальное приятие:

Клянусь тебе, как я поклялся бы перед судилищем господним, что люблю тебя всеми <...> страданиями и радостями моей души. Прими эту любовь, какая она есть... не анализируй ее. <...> Мы знаем, что любовь не есть вечное чувство. <...> Поидем же смело навстречу, не заглядывая вперед и не оглядываясь назад, или лучше будем смотреть вперед, встретим лицом к лицу кроткую братскую дружбу, протягивающую к нам руки, и благословим Бога за то, что он посылает ее нам... Я в гораздо большей мере — ты, чем — я сам [Толстой 1964: 55—56].

В контексте содержится как лексема *любовь*, так и ее дериват — словоформа *люблю* в рамках кинетической локально-темпоральной трансспективы: *пойдем, навстречу, вперед, назад*. Любовь, посланная Богом, выводится автором за пределы вечности (*любовь не есть вечное чувство*). Подобная негативная дефиниция характеризует это сакральное чувство как конечное, но не умирающее, а перерождающееся в дружбу, что дается через репрезентацию развернутым олицетворением *кроткую братскую дружбу, протягивающую к нам руки*.

Два локально-темпоральных вектора: горизонтальный (движение чувства во времени от любви к дружбе) и вертикальный (связь человека с Богом посредством любви) — сочетаются с отождествлением духовного интрапространства любящих людей посредством актуализации потенциальной семантики личных местоимений (*я — ты — я*).

Р.Г. Магина упоминает, что нередко лирика А.К. Толстого содержит реминисценции, связанные с его письмами к Софье Андреевне. Так, 30 октября 1851-го

года, в тот же период, когда были написаны строки письма, приведенного выше, появилось на свет стихотворение «Ты не спрашивай, не распытывай...», практически полностью повторяющее мысли поэта о сакральности чувства, высказанные любимой женщине [Магина, 1972].

Поэтические тексты А.К. Толстого действительно нередко содержат лексему «любовь» в значении «божественное начало, первооснова и внутренняя энергия мироздания, всего сущего во Вселенной»:

- (1) *И всюду звук, и всюду свет, И всем мирам одно начало, И ничего в природе нет, Что бы любовью не дышало* [Толстой 1969 т. 1: 82];
- (2) *Свети лишь ты, небесная любовь, В моей ночи звездой лучезарной!* [Толстой 1969 т. 1: 492];
- (3) *И в юном восторге познала она, Молитвой паря в необъятном просторе, Бездонной любви безбрежное море* [Толстой 1964, т. 1: 491].

Именно этот лексико-семантический вариант наиболее, по нашему мнению, хронотопичен, поскольку время и пространство гармонично заключено в божественном начале, точке отсчета мироздания, что репрезентируется лексическим комплексом *всюду, всем, мирам, начало* (1). Контекст (2) представляет пространственно-временной континуум посредством локальной лексики *небесная* и темпоральной — *ночи*, а контекст (3) в лексическом комплексе *юный* (время жизни), *простор, бездонной, безбрежное* (пространство).

Интересно, что две последние лексемы представляют в контексте как бы «крестообразное» наложение: *бездонной* реализует вертикальное пространство, а *безбрежное* — горизонтальное. Глагольная форма *паря* совмещает в себе семы как пространства, так и движения, а синтаксически зависимое от нее слово *молитвой* углубляет и расширяет метафизическое, сакральное пространство.

Размышления о любви через общение с Богом, через молитву о благе любимого человека находим также в следующих двух письмах:

- (1) *Просить с верой у Бога, чтобы Он отстранил несчастье от любимого человека — не есть бесплодное дело... чем более вы приближаетесь к Богу, тем более вы становитесь в независимость от вашего тела, и потому ваша душа менее стеснена пространством и материей, которые отделяют ее от той души, за которую она молится. <...> ...какое влияние может быть сильнее, чем влияние души, приближающейся к Богу с горячим желанием, чтобы все обстоятельства содействовали счастью души друга?;*
- (2) *Мне кажется, что первобытное состояние нашей души — сильная любовь к добру или к Богу, которую мы теряем с холодным прикосновением к матери, в которой заключается наша душа. Это и есть причина тому чувству необходимости любви, которое мучает иных людей, и тому радостному чувству и счастью, которое они ощущают, когда они, согреваясь и тая, возвращаются к своему первоначальному нормальному существованию... <...> Бог позволяет, время от времени, чтобы в этой жизни немного тепла оживило нашу душу и напомнило бы ей случайно то блаженное состояние, в котором она находилась до своего заключения... и к которому возвращение обещано нам после смерти. Это бывает, когда мы любим женщину, мать или ребенка... [Любовные письма... 2010, www].*

Из приведенных контекстов следует четкое разделение семантики лексем пространственно-временного континуума в мировосприятии А.К. Толстого. Первая разновидность — это хронотоп божественного существования. Вертикальный вектор исходит из интрапространства души и обращается (возвращается) к Богу и во времени, и в пространстве (лексический комплекс: (1) *Бог, приближается, приближающейся*; (2) *возвращается, находилась, возвращение, после смерти*). Это пребывание души в непосредственной близости со своим Создателем, в свете его любви, дающем ощущение былого счастья в жизни до рождения. Вторая разновидность — это хронотоп реальности, земного существования (лексический комплекс: (1) *тело, пространство, материя*; (2) *холодное прикосновение, материя, заключается, заключение, в этой жизни*). Душа, стремящаяся к Богу, заключена в темницу тела, земного бытия в ожидании будущего блаженства в жизни после смерти. Именно в любви, по мнению автора, человек на короткий срок (*время от времени*) способен вернуться к небесной жизни, приблизиться к Богу, дарующему это чувство. В молитве за любимого человека любовь земная (филия) и любовь небесная (агапэ) гармонично объединяются.

Подобный синкретизм находит место и в поэтических текстах А.К. Толстого, что позволяет говорить об особом лексико-семантическом варианте лексемы «любовь», совмещающем в себе как значение «глубокое эмоциональное влечение, сильное чувство к человеку противоположного пола», так и семему «божественное начало, первооснова и внутренняя энергия мироздания, всего сущего во Вселенной»:

- (1) *И мысли все, и жизнь, и кровь, И каждой жилки бьенье Отдам я с радостью той, Которой образ милый Меня любовью святой Исполнит до могилы* [Толстой 1964 т. 1: 469];
- (2) *Слиясь в одну любовь, мы цепи бесконечной Единое звено, // И выше восходить в сиянье правды вечной Нам врозь не суждено* [Толстой 1969 т. 1: 160].

В первом случае локально-темпоральная семантика контекста, включающего лексему «любовь», построена на интрапространстве (*мысли, кровь, исполнит* — лексемы, обозначающие тело и дух лирического героя, «сущность» и «темницу»), *жизнь, до могилы* — лексемы с временной семантикой с потенциальными семами «длительность», «постоянство» (1). Во втором контексте пространство выходит за рамки земного бытия и устремляется ввысь, к божественной сущности человека (*выше восходить*), не зависимой от земного времени (*вечной*). Единство влюбленных в божественном чувстве, невозможность разъединения, пока жива любовь, находит лексическую реализацию в контекстных антонимах *слиясь* и *врозь* (2).

И.Г. Ямпольский отмечает, что интимная лирика Толстого нередко объединяет в себе постоянные черты образа лирического героя, в результате чего может создаваться впечатление, что перед нами «нечто вроде лирической поэмы, лирического дневника, фиксирующего точные биографические факты и передающего характер и историю взаимоотношений между героями» [Ямпольский 1974: 115.] Такие параллели между эпистолярными и поэтическими произведениями позволяют, на наш взгляд, говорить о цельности натуры А.К. Толстого, его предельной искренности в жизни и творчестве.

ВЫВОДЫ

Таким образом, анализ лексико-семантической стороны эпистолярного и поэтического наследия А.К. Толстого показал, что система взглядов поэта на любовь полностью отражает особенности его мирозерцания. Основные философские константы «время», «пространство», «движение» переплетаются в сознании писателя с понятиями «любовь» и «Бог», что находит яркое отражение в их лексико-семантических репрезентантах в текстах писем и поэтических произведений А.К. Толстого. В результате влияния контекстного окружения лексемы, не связанные в своем основном значении с пространственно-временным значением, способны приобретать и актуализировать локально-темпоральную сему. Отсюда хроно-топ любви в письмах и поэтических текстах А.К. Толстого может репрезентироваться следующими лексемами, представляющими то или иное контекстное окружение в своей совокупности: 1) непосредственно гиперонимом «любовь», относящимся к ядру лексико-семантического поля, и его дериватами *любить, любимый, люблю*; 2) лексемой, близкой по гиперо-гипонимической отнесенности в приведенном сочетании к понятию «любовь» — *братская дружба*; 3) эмотивными лексемами и окказиональными идиомами при имплицитном выражении чувства любви как с негативной коннотацией (*тяжело на сердце, кровь застывает в сердце, грустно, скучно*), так и с позитивной (*свет, счастье, сокровище, блаженство, радость*); 4) локальными лексемами, выражающими духовное пространство (*душа, музыка, ты, я, мысли*), материальное (*пространство, материя*), метафизическое (*заключение, к Богу, судилище господне, небесный, выше, бездонный, безбрежный*); 5) темпоральными лексемами, актуализирующими наряду со своим прямым значением метафорическую коннотацию (*весна, зима, 15 минут = краткосрочность, вечный, до могилы*); 6) лексемами, включающими в свою семантическую структуру как локальную, так и темпоральную сему (*Смальково, жизнь = земная и небесная, начало*); 7) лексемами с семантикой движения (*сближаюсь, пойдём, приближается, паря, ввысь*); 8) лексемами, объединяющими в своей семантической структуре семы времени, пространства и движения (*навстречу, вперед, назад*).

Семантические сдвиги в лексическом комплексе, репрезентирующем пространственно-временной континуум, обогащают лексико-семантическое поле «Любовь», представленное в эпистолярном наследии А.К. Толстого и его творчестве в целом, а также помогают более детально рассмотреть картину мира писателя.

© Бурдина Е.А.

Дата поступления: 26.09.2017

Дата приема к печати: 10.10.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Балашова Е.Ю.* Концепты «Любовь» и «Ненависть» в русском и американском языковом сознании: дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006.
2. *Бельский А.В.* Поэтическая летопись душевных настроений в произведениях А.К. Толстого // Алексей Константинович Толстой. Его жизнь и произведения: Сб. историко-литературных статей / Сост. В.И. Покровский. М., 1912. С. 283—290.

3. *Воркачев С.Г.* Концепт любви в русском языковом сознании // Коммуникативные исследования 2003: Современная антология. Волгоград: Перемена, 2003. С. 189—208.
4. *Гибадуллина Л.З.* Объективация концептов «Любовь» и «Семья» в татарской и русской языковой картине мира (на материале современной женской прозы): автореф. дисс. ... к. филол. н. Уфа, 2012.
5. *Дмитриева М.А.* Проблема идеала в творчестве А.К. Толстого: дисс. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2006.
6. *Любовные письма великих людей. Книга 3. Соотечественники.* М.: Добрая книга, 2010. 320 с. URL: <http://www.fanread.net/book/11780280/?page=16> (дата обращения: 21.07.2017).
7. *Магина Р.Г.* О поэтическом мастерстве А.К. Толстого-лирика // Филологические этюды. Серия «Рус. лит.». Вып. 1. Ростов н/Д: РТУ, 1972. С. 45—60.
8. *Русский ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов.* URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 25.07.2017).
9. *Салимова Л.М.* О лингвокультурном концепте «Любовь» в русской языковой картине мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (32): в 2-х ч. Ч. II. С. 173—175.
10. *Севрюгина Е.В.* Языковое отражение концептов «любовь» и «красота» в поэзии Ф.И. Тютчева и У. Вордсворта: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003.
11. *Словарь современного русского языка.* М., Л.: Академия наук, 1951. Т. 3.
12. *Словарь современного русского языка.* М., Л.: Академия наук, 1955. Т. 4.
13. *Толстой А.К.* Собрание сочинений в 4-х тт. М.: Художественная литература, 1964. Т. 1.
14. *Толстой А.К.* Собрание сочинений в 4-х тт. М.: Художественная литература, 1964. Т. 4.
15. *Толстой А.К.* Собрание сочинений в 4-х тт. М.: Библиотека «Огонек», Изд-во «Правда», 1969. Т. 1.
16. *Фёдоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, АСТ. 2008. URL: <http://phraseology.academic.ru> (дата обращения: 30.07.2017).
17. *Ямпольский И.Г.* Середина века: Очерки о русской поэзии 1840—1870 гг. Л.: Художественная литература, 1974.

УДК: 811.161.1'37:821.161.1-1:177.61

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-826-837

**LEXICO-SEMANTIC REPRESENTATION
OF THE PHILOSOPHICAL CATEGORY “LOVE”
WITHIN THE FRAMEWORK OF THE SPACE-TIME CONTINUUM
IN THE POETIC AND EPISTOLARY HERITAGE OF A.K. TOLSTOY***

Elena A. Burdina

Ivan Petrovsky Bryansk State University
14, Bezytskaya, Bryansk, Russia, 241036

Abstract. The article is devoted to the study of the definition of “Love” based on the lexico-semantic aspect presented in the lyrics and letters of A.K. Tolstoy. The author investigates the lexemes included in the lexical semantic fields “Love”, “Time”, “Space”, revealing the semantic changes in their semantic

* The study was supported by RFBR and Gouvernement of the Bryansk region, project № 17-14-32001a(p).

structure which occur under the influence of the contextual environment. The lexico-semantic expression of the “chronotope of love” in the analyzed texts of the letters actualizes the local-temporal seme in the structure of lexemes that are not related to the semantics of space and time, which leads to the semantic variety of the A.K. Tolstoy’s epistolary. The representation of the philosophical category “Love” in the poet’s letters is compared with the lexical-semantic expression of this concept in the author’s poetry. The comparison is made with the help of the dictionary article “Love” from the poetic vocabulary of A.K. Tolstoy’s language, which is currently under development, is used. The comparative analysis allows us to determine the relation of the main philosophical constants “time”, “space”, “movement” to the concepts of “love” and “God”, which are the semantic basis of texts of the letters and poetic works of A.K. Tolstoy. Such a study allows us to determine the range of the main lexical representatives of the “love chronotope” in the considered fragment of the writer’s work, which details the linguistic picture of the author’s world and reveals the worldview of the elite language personality.

Key words: Love, time, space, epistolary genre, poetry, A.K. Tolstoy, the space-time continuum, context, vocabulary, semantics

REFERENCES

1. Balashova, E.Y. (2006). Concepts of “Love” and “Hate” in the Russian and American linguistic consciousness. Saratov. (In Russ.).
2. Belsky, A.V. (1912). Poetic chronicle of spiritual sentiments in the works of A.K. Tolstoy. In: *Alexei Tolstoy. His life and works*. Moscow, pp. 283—290. (In Russ.).
3. Vorkachev, S.G. (2003). The concept of love in the Russian language consciousness In: *Communicative Studies 2003: Contemporary Anthology*. Volgograd: Peremena, pp. 189—208. (In Russ.).
4. Gibadullina, L.Z. (2012). Objectivization of the concepts “Love” and “Family” in the Tatar and Russian language picture of the world (on the basis of modern female prose). Ufa. (In Russ.).
5. Dmitrieva, M.A. (2006). The problem of the ideal in the works of A.K. Tolstoy. Veliky Novgorod. (In Russ.).
6. Love letters of great people. Book 3. Compatriots. Moscow, 2010. Available at: www.fanread.net/book/11780280/?page=16. (In Russ.).
7. Magina, R.G. (1972). On the poetic skills of A.K. Tolstoy the lyrical poet, *Philological studies. The series “Rus. Lit.”. Issue 1*. Rostov on Don: RTU, pp. 45—60. (In Russ.).
8. Russian associative dictionary available at: www.thesaurus.ru/dict/dict.php. (In Russ.).
9. Salimova, L.M. (2014). On the linguocultural concept “Love” in the Russian language picture of the world In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. № 2 (32): Tambov: Gramota, pp. 173—175. (In Russ.).
10. Sevryugina, E.V. (2003). The linguistic reflection of the concepts “love” and “beauty” in the poetry of F.I. Tyutchev and W. Wordsworth, Moscow. (In Russ.).
11. Dictionary of the modern Russian language (1951). Vol. 3. Moscow, Leningrad: Akademiya nauk. (In Russ.).
12. Dictionary of the modern Russian language (1955). Vol. 4. Moscow, Leningrad: Akademiya nauk. (In Russ.).
13. Tolstoy, A.K. (1964). Collected works in 4 vols. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
14. Tolstoy, A.K. (1964). Collected works in 4 vols. Vol. 4. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
15. Tolstoy, A.K. (1969). Collected works in 4 vols. Vol. 1. Moscow: M.: Biblioteka “Ogonyok”, Izd-vo “Pravda”. (In Russ.).
16. Fedorov, A.I. (2008). Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language. Moscow: AST, available at: www.phraseology.academic.ru (In Russ.).
17. Yampolsky, I.G. (1974). Mid-century: Essays on Russian poetry of 1840—1870. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).

Для цитирования:

Бурдина Е.А. Лексико-семантическая репрезентация философской категории «любовь» в рамках пространственно-временного континуума в поэтическом и эпистолярном наследии А.К. Толстого // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 826—837. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-826-837.

For citation:

Burdina, E.A. (2017). Lexico-semantic representation of the philosophical category “love” within the framework of the space-time continuum in the poetic and epistolary heritage of A.K. Tolstoy. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 826—837. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-826-837.

Elena A. Burdina, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 826—837. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-826-837.

Сведения об авторе:

Бурдина Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского; *научные интересы*: семантика, лексикология, лингвистический анализ текста, лексикография; *e-mail*: burdinaele@yandex.ru; ORCID iD 0000-0001-8374-1231; SPIN-код 1494-4358

Bio Note:

Burdina Elena Alexandrovna, PhD (Philology), Associate Professor of the Russian Language Department of the Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky, *Scientific Interests*: semantics, lexicology, linguistic analysis of text, lexicography; *e-mail*: burdinaele@yandex.ru; ORCID iD 0000-0001-8374-1231; SPIN 1494-4358